

8 июля 1978г.

СОЗВЕЗДИЕ МУЗ

Гастроли

Мурманского театра

МЕЖДУ СВЕТОМ И ТЬМОЙ

чение одержала над ним верх, хоть минуту была счастлива. И Лейди не опущено мужем этой минуты — Джейб поражает ее выстрелом в тот самый момент, когда Лейди поверила в счастье. А ее возлюбленного Вала Зевьера сжигают так же, как сожгли когда-то Итальяшку. Цепь замкнулась.

«Мы ведь живем в мире между светом и тенью», — говорит жена шерифа Ви Толбет (актриса Ю. Талько). Но между светом и тенью едва удается остаться ей самой, живущей в мире иллюзий, в мире призрачных видений. Между светом и тенью трудно удержаться тем, кому мало одних иллюзий, кого не устраивает одно лишь призрачное счастье, мнимая свобода, которую не окутает материальное обеспечение. — И Лейди, и Вал, и сестра Дэвида Карол Катрив пытаются обрести подлинное духовное обеспечение. И проигрывают в этой неравной борьбе. Проигрывают потому, что «обречены на пожизненное заключение в одиночке».

Пытаясь подчинить весь спектакль одной идее, которая в основе своей верна, режиссер Г. Михайлов нани-

зывает все эпизоды на этот стержень. И все-таки спектакль порой словно распадается, образуя ничем не заполненные провалы. Наверное, это происходит потому, что в «Орфее» мурманчанам не удалось сложить актерский ансамбль. Герои в спектакле словно существуют сами по себе. Это вроде бы лежит в русле режиссерского решения, но глубоко, психологически идея не разработана. Одиночество героев должно стать лишь поводом к раскрытию характеров. В спектакле же оно становится целью. И в итоге получается, что не только герои, но и актеры друг друга слабо чувствуют, плохо слышат — распадаются их вынужденные связи. И интересная работа актрисы А. Семеничиной, которая возводит свою Лейди в степень трагической героини, превращается в громкое соло в нестройном оркестре. Нескольким невнятным в спектакле позиция и характер Вала Зевьера. Актер Е. Перепелицын не наделяет его теми чертами, тем внутренним темпераментом, который делает Вала героем, а надуманность позы приближает его к псевдогерою. Это влечет за собой смещение акцентов в центральном конфликте.

Смешаются акценты и в треугольнике Лейди—Вал—Карол, хотя работа актрисы Л. Поволоцкой заслуживает внимания. Драма девушки, мечтающей о том, чтобы знать о ее существовании, лило, что она вообще живет, и поэтому постоянно стремящейся заявить о себе, пусть даже самыми нелепыми способами, очень точно передана актрисой, максимально приближена к той драме характера, которой наделял свою героиню Уильямс.

У драматургии Т. Уильямса свои, особые законы, которые, на первый взгляд, не так уж трудно следовать, ведь само содержание подсказывает их. В действительности же все гораздо сложнее — необходимо уловить тончайшие нюансы психологии, невидимые оттенки души, едва заметные грани характеров, чтобы выдержать исполнение этой драматургии. И Мурманский театр активно ищет пути к ней.

Элла АГРАНОВСКАЯ.

На снимке: Карол — актриса Л. Поволоцкая, девушка Плезент — актер В. Ватайцев.

Наверное, даже зрителям незнакомым с содержанием пьесы Теннесси Уильямса «Орфей спускается в ад», не верится — в благополучный исход событий. Не верится в то, что будет счастлива Лейди Торренс, что будет настоящим свободен Вал Зевьер, что обретет понимание неприкаянная девушка Карол Катрив. Спектакль Мурманского драматического театра выстрелен так, что зритель с самого начала переживает все иллюзии, которыми еще живут герои. Обреченность этих людей пропущена со всей очевидностью: судьба будет неумолима к ним, рок — беспощаден. И все, что они делают, все, о чем говорят, — словно вызов тому непреодолимому, предначертанному. Вещный протест. Неосознанный не потому, что они не понимают настоящего, но потому, что при всем своем понимании отказываются верить в еще более страшное будущее.

Эта четко обозначенная заданная режиссерского решения Г. Михайлова могла бы вызвать нарекания, если бы постановщик не нащупал пульсы пьесы Уильямса. «Все мы приговорены к пожизненному заключению в оди-

ночке — в собственной шкуре» — эта фраза становится в спектакле ключевой. Героям не дано лопать друг друга — разгадка души приходит слишком поздно. Им не дано и спасти друг друга — гибель неминуема, когда сначала нет желания, потом нет сил, а в итоге нет возможности противостоять судьбе.

...Соотношение сил в этом маленьком американском городе представляется собой жесткую конструкцию. Горе тому, кто попытается хоть что-нибудь сдвинуть со своих мест. В пыль смывается та песчинка, которая попадает в этот отменно налаженный механизм. Здесь никого не жалуют и никого не щадят. А трагические события переходят, укоряя тех, кто стал жертвой. Женщины — Бьюла (актриса К. Лелянова) и Хемма (актриса Г. Иванченко) — из равнодушия, усугубленного страстью лосудачить Мужчины — в назидание тем, кто пытается посягнуть на их приоритет в формировании городских устоев. Они, эти мужчины, настолько связаны своей жестокой неуязвимостью, настолько схожи внутренне, что даже внешне порой трудно отличить, кто из них шериф Толбет (артист М. Зотов),

кто Пес (артист В. Ерасов), а кто Коротыш (артист В. Рацло). И если бы тягелобольной, находящийся при смерти Джейб Торренс (засл. арт. РСФСР О. Лелянов) не сменил «униформу» этого «братства» — серый костюм и низко надвинутую на лоб шляпу — на домашний халат, он тоже был бы неотличим от своих — неправильно будет сказано соседей — сообщников. Именно сообщников, потому что связаны они не только устремлениями, но в первую очередь преступлениями.

Преступление было совершено давно, когда сожгли ви-

ноградник на Лунном озере, сожгли беседки, где коротали вечера и ночи влюбленные. И вместе с виноградником и беседками сожгли несчастного Итальяшку только за то, что он во времена «сухого закона» продавал вино неграм. Одно преступление порождает другое, когда заложено оно в самой природе. И богат Дэвид Катрив (артист А. Соколовский) бросил на произвол судьбы дочь Итальяшки Лейди. Замыкается цепь нравственных преступлений, порожденных убийством, неминуемо замыкается и цепь своей жизни. Умирающий Джейб Торренс уже не может остановиться, не может допустить, чтобы его жена, дочь убитого им Итальяшки, хоть на мгно-

Настоящий виноградник